научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК _

Состав семей приходского духовенства в Карелии в конце 1670-х годов: к вопросу о разрастании причтов и складывании священнослужительских династий

СУСЛОВА Евгения Дмитриевна

кандидат исторических наук,
специалист Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, evgenia.suslova@mail.ru

Ключевые слова:
приходское духовенство
социальная история
Карелия
Олонецкий уезд
XVII век

Аннотация:
В статье рассматривается вопрос о составе семей сельского духовенства в Карелии в последней трети XVII в. На основании сопоставительного анализа переписных книг 1678 г. и актов приказного делопроизводства с учетом новейших выводов историографии в области изучения истории семьи, установлено, что семьи священно-церковнослужителей в Карелии в рассматриваемую эпоху были схожи по составу с семьями крестьян и являлись типичными для северного региона Московского государства.
Значимая доля семей бокового родства свидетельствует о стремлении священников и их братьев совместными усилиями обеспечить достаток, о последствиях привлечения к службе в пашенных солдатах взрослых родственников клириков и о широко распространившейся практике передачи церковных должностей и мест внутри семей духовенства. Преобладание малых отцовских семей позволяет сделать вывод о неустойчивости сложных семейных структур. Взрослые сыновья со временем отделялись от отцов, в том числе переезжали в новые приходы, что способствовало складыванию и постепенному разрастанию местных священнослужительских фамилий. Однако в силу сложной экономической ситуации излишка в клириках, как принято считать в историографии, в конце 1670-х гг. не было. В большинстве случаев местным семьям духовенства удавалось обеспечить преемственность в передаче должностей и тем самым поддержать духовную жизнь в приходе.
© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Историография проблемы. Вопрос о составе семей сельского духовенства в сельских приходах Московского патриархата остается малоизученным. Впервые он был поднят историками для обоснования своевременности церковных реформ, проведенных Петром I. Одним из первых

Г. М. Любимов указал на факт несоразмерности причта и числа прихожан как на одно из доказательств чрезвычайной бедности служителей Церкви в XVII—XVIII вв. [16; 167, 169]. Опираясь на сведения табели генерал-майора Чернышева о причтах калужских храмов 1723 г., автор сделал вывод о том, что до церковных преобразований Петра I во всех приходах «дети священника, братья, племянники, почти все поступали в число причетников, которых при иных церквах на 5 священников бывало до 50 человек» [16; 167].

С мнением исследователя согласился П. В. Знаменский. Ссылаясь на свидетельства писцовой книги середины XVII в. по Белевскому уезду, ученый подчеркнул, что уже к этому времени в центральных епархиях были «такие приходы, где отец служил первенствующим священником, а сын числился вторым; дьячки — тоже отец с сыном; иногда весь причт — и священники и дьячки — составляли одно семейство» [15; 95—96]. Обращение к цитируемому источнику дает основание заключить, что под «семейством» в данном случае П. В. Знаменский имел в виду не семью как таковую, но складывавшийся священнический род, состоявший из нескольких семей, главы которых проживали близ приходского храма — каждый в своем дворе.

Сопоставляя данные писцовой книги со сведениями трех грамот 1660—1661 гг. о порядке записи детей духовенства центральных уездов на военную службу, положениями Духовного регламента 1721 г. и цифрами из все той же табели генерал-майора Чернышева 1723 г., П. В. Знаменский считал неоспоримым для второй половины XVII в. факт разрастания именно священнических родов. Историк отмечал, что «при церквах всегда жило множество детей, племянников и всякой родни членов клира», которые, желая уклониться от службы в армии и от записи в податное сословие, «обманом и насилием “вдирались в духовный чин”» или добивались должностей церковных дьячков и пономарей [15; 96—97]. По мнению автора, «громадный излишек в духовенстве» привел к ухудшению материального благосостояния приходских клириков, появлению «класса безместных бродячих попов», утрате ими авторитета в приходской общине [15; 103—104].

Выводы П. В. Знаменского, опиравшегося на материалы центральных епархий, противоречили сведениям, которые удалось выявить В. М. Верюжскому, изучившему особенности замещения церковных должностей и уровень жизни священно-церковнослужителей в Холмогорской и Устюжской епархии в последней трети XVII в. Обращаясь к текстам челобитных крестьян владыке Афанасию с просьбами об утверждении их кандидатов на церковные должности и записям пошлинных книг архиерейского дома, ученый отметил, что наряду с детьми и братьями духовенства священно- и церковнослужителями нередко являлись избранные прихожанами и посвященные в духовный сан владыкой представители других социальных групп — крестьяне и жители посада [14; 188—193]. Исследователь полагал, что в северном крае, с его глубоко укоренившимися традициями земского самоуправления, «бродячий образ жизни» развивался среди клириков не из-за их многочисленности, а из-за «нежелания подчиняться» прихожанам, от которых зависело и их хозяйственное благополучие, и сама возможность остаться при церкви [14; 213]. Усилия, предпринятые владыкой Афанасием по отстранению общины от участия в решении приходских дел, по мнению В. М. Верюжского, во многом предвосхитили церковные реформы Петра I.

Проанализировав отдельные дела об утверждении владыками клириков и причетников в приходах Крутицкой и Сарайской, а также северной Новгородской епархий, П. С. Стефанович попытался совместить разнородные свидетельства и, не ставя вопроса о складывании священнослужительских родов, предложил свою гипотезу замещения церковных должностей. Исследователь склонен считать, что «на основной территории России в конце XVII в.» священнослужителями преимущественно становились дети духовенства, в то время как должность дьячка или пономаря, не имевшая статуса «священства», нередко замещалась мирянами [19; 255—263]. Такой вывод не позволяет прояснить ситуацию, однако дает возможность судить об убежденности автора, с одной стороны, в складывании священнических династий и, с другой стороны, в сохранении силы выборного начала в отдельных северо-западных приходах с развитыми традициями самоуправления.

В статье, посвященной изучению демографических характеристик сельских приходов и материального благосостояния сельского духовенства, М. С. Черкасова одной из первых проанализировала состав семей священно- и церковнослужителей, состоявших в конце 1670-х гг. в причтах храмов Белозерского уезда, Чарондской округи и южной части Каргопольского уезда. Привлекая сведения записной книги Вологодского архиепископа Симона 1676/77 г., автор установила количество семей клириков и подсчитала, сколько из них были семьями прямого и сколько — семьями бокового родства [23; 249]. Установив наличие разных типов «семей духовенства — отцовских двух- и трехпоколенных, братских (полных и усеченных, когда от умершего брата оставались племянники)»,

М. С. Черкасова сделала вывод о складывании «семейно-профессиональной сплоченности данного сословия, наследственности сословного статуса именно как священнослужителей — попов или дьяконов» [23; 249]. При этом исследовательница не ставила задачей выявить особенности разрастания священнических семей в широкой хронологической перспективе, подчеркивая в целом стремление «молодого духовенства закрепиться в том же самом приходе, где и его предки» [23; 249].

Значимую роль для реконструкции династий священно-церковнослужителей Твери во второй половине XVII—XVIII в. М. В. Матисон отводит выявлению матримониальных связей и демографических характеристик социальной группы [17; 152—160]. Проанализировав сведения исповедных ведомостей 1745 г. и материалы пятой ревизии 1795 г., М. В. Матисон определил средний возраст клириков Твери, их семейное положение, количество домочадцев, соотношение рождаемости и смертности в двух хронологических срезах [17; 155—159]. Комплексный подход позволил автору прийти к выводу «об окончательном превращении духовенства в замкнутое сословие» и при этом подвергнуть сомнению принятый в историографии тезис «об увеличении численности священно-церковнослужителей» в XVIII в. [17; 168].

Постепенный поворот к изучению состава семей сельского духовенства на материалах отдельных епархий свидетельствует о признании историками его приоритетности в осмыслении ключевых вопросов — о складывании священнослужительских фамилий, об особенностях замещения церковных должностей, о разрастании причтов и уровне благосостояния клириков.

2. Цель исследования. Источниковая база. Изучение состава семей священно-церковнослужителей в Карелии в нескольких хронологических срезах позволяет, с нашей точки зрения, углубить сложившееся в историографии представление об оформлении духовенства в замкнутое сословие в последней трети XVII—XVIII в. и создает уникальную возможность для выявления особенностей этого процесса на северо-западной окраине обширной Новгородской епархии.

В представленной статье предпринят анализ состава семей клириков и причетников в конце 1670-х гг. Выбор обусловлен особенностями источниковой базы. Как установила И. А. Чернякова, в переписных книгах Заонежских погостов 1646 г. не представлены сведения о малолетних детях: «об этом свидетельствуют как отсутствие фиксации возраста недорослей, так и близость средних показателей населенности двора по материалам переписи 1646 г. и предшествовавшего ей писцового описания 1628—1631 гг.» [24; 110]. «Полный набор вариантов состава крестьянского двора», констатирует автор, присутствует только в переписи 1678 г., в которой были учтены и недоросли, и взрослое мужское население [24; 111, 114]. Кроме того, переписная книга 1646 г. писца И. Писемского охватывает только Заонежские погосты.

Источниковедческий анализ переписных книг Заонежских и Лопских погостов 1678 г. писцов И. А. Аничкова и И. Н. Аничкова представлен в работах Т. В. Старостиной и И. А. Черняковой [18; 139], [24; 48—49, 61, 114—115, 117—124]. В книги внесены сведения о мужском составе дворов клириков и причетников, проживавших в шестнадцати Заонежских и семи Лопских погостах. Описания трех погостов — Рождественского Олонецкого и Ильинского Олонецкого с одиннадцатью выставками[i], Важенского с десятью выставками[ii], Веницкого с тремя выставками[iii] — утрачены. В переписной книге Заонежских погостов также отсутствуют описания Шелтозерской выставки Остречинского погоста, входившей в состав вотчины Росткина монастыря, и Повенецкого рядка. В этих местечках должны были стоять храмы, упоминания о которых находим в переписной книге 1646 г. [2; 241 об., 327 об.].

В некоторых случаях сведения о сыновьях и братьях клириков, упомянутых писцом Иваном Аничковым, дополнены данными переписных книг 1646 г. и 1707 г. [2], [5]. Особую ценность для реконструкции состава семей священников Веницкого и Важенского погостов представляют сказки, собранные подполковником Великолукского гарнизонного батальона подполковником Неплюевым у священнослужителей Олонецкого уезда в 1720 г., о числившихся в их дворах родственниках мужского пола, которые «в оклад не положены», с указанием возраста каждого и занимаемой церковной должности [6].

Дополнительная информация выявлена в документах фонда 98 «Олонецкая воеводская изба», хранящегося в архиве С.-Петербургского института истории РАН и доступного автору в виде электронных копий в Исследовательской лаборатории локальных и микроисторических исследований, действующей на базе Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета с 2004 г. Тексты челобитных с просьбами об утверждении в должности избранных общиной земских старост, о передаче в пользование земельных участков, отписки по вопросам судебно-административного характера, содержат упоминания о приходских священниках,

причетниках и их сыновьях. Сопоставительный анализ грамот позволил восстановить сведения о семьях одиннадцати клириков: семь из них проживали в Веницком погосте (в том числе в выставках Озерской, Каргинской, Чикозерской); по одному — в Шелтозере, Гежесельге, Куштозере и Повенецком рядке.

3. Численность духовенства. Статус во дворе. Согласно нашим подсчетам, в конце 1670-х гг. в шестнадцати Заонежских и семи Лопских погостах при 101 приходском храме служили 242 священно-церковнослужителя и проскурницы. Большинство — 195 человек (80 %) — являлись дворохозяевами; 37 — числились на подворьях родственников-клириков; 6 — проживали вместе с родителями-крестьянами на положении младших членов семей; 4 — отмечены на подворьях служителей Церкви или крестьян, с которыми они не состояли в родстве.

Собственные дворы имели преимущественно священники (103) и дьяконы (6). Некоторые из них к моменту составления переписной книги 1678 г. овдовели (7), другие — умерли, оставив сиротами жен и детей (2). Дворохозяевами довольно часто являлись церковнослужители — дьячки (45) и пономари (19). Кроме того, во дворах и кельях, стоявших на церковной земле близ приходских храмов, проживали проскурницы (22).

Во дворах отцов-крестьян на положении младших членов семей — взрослых, но неженатых сыновей — проживали 6 церковных дьячков [4; 88], [3б; 15, 52 об., 284 об., 330, 409]. Один из них — Евсейка Ананьин — был приемным сыном «корельского выходца» Афонки Ефимова, обустроившегося в Гонгинской выставке Веницкого погоста [3б; 15]. Навыки письма и чтения эти дьячки переняли от своих родственников, некоторые из которых состояли в родстве с некогда служившими в приходе клириками. Так, например, дьячок Кондопожской волости Ивашка Агеев приходился внуком священнику Кондопожской выставки Шуйского погоста Игнатию Федорову [25; 41—45]. Установлено также, что отец Ивашки — Агей Игнатьев — принимал активное участие в земской жизни погоста. Он не раз получал наказные памяти от олонецких воевод с повелениями вести розыск по судебным искам и даже был избран общиной на ответственную должность волостного посыльщика, отправленного в Москву с челобитной о рыбных ловлях на реке Суне [22; 321].

Четыре церковнослужителя, как указано выше, были отмечены писцом Иваном Аничковым в чужих крестьянских дворах. В частности, пономарь Юштозерской выставки Семчезерского погоста Никита Евдокимов проживал «в захребетниках» во дворе Игнашки и Трифонки Карповых [4; 88]. Еще один пономарь — Сидорка Микитин из выставки Пудожская Гора Челмужского погоста — числился во дворе бобыля Андрюшки Кирьянова [3а; 141 об.]. Во дворе крестьянина Кулгальской выставки Пудожского погоста Лаврентейки Корнильева состоял дьячок Июдка Кондратьев [3б; 269 об.]. Дьячку Федотке Захарьеву сыну Шумилину помогла проскурница-«старица» Каптелина. Она приняла избранного мирянами в причетники Федотку Шумилина с супругой и двумя малолетними детьми — 10-летним Кондрашкой и 3-летним Терешкой — к себе в келью [3б; 385]. Дьячок был человеком пришлым и до 1670/71 г. проживал «в поместье за князь Никитою... Елизарьевым сыном Путятиным» в деревне Бурлаковской «против погоста» [3а; 95 об.], [3б; 385].

Уверенно полагаем, что недостаток средств к жизни, обусловленный малолюдностью семей и разного рода превходящими обстоятельствами, вынуждал некоторых причетников вести совместное хозяйство со своими прихожанами, числясь в их кельях или дворах на положении работников.

4. Состав семей. Далеко не все священно- и церковнослужители из числа дворохозяев и тех, кто числился на чужих подворьях, являлись семейными людьми. Так, одиноко доживали свой век два овдовевших священника — Тарасий Григорьев из Веницкого и Федор Яковлев из Мегорского погостов [3б; л. 9, 108]. Осталась вдовой после смерти мужа-священника и попадья Федосьица Олферьева дочь из Андомского погоста [3б; 179]. Писец Иван Аничков не отметил лиц мужского пола во дворе вдовы, однако не исключено, что у нее вполне могли быть дети — малолетние девочки или даже взрослые женатые сыновья, уже отделившиеся от родителей.

Согласно главе 8 Стоглава 1551 г. «О Божественных службах, Соборный ответ», должность проскурниц разрешалось занимать «вдовам единобрачным, а не второбрачным... от 40 лет и от 50 лет», с уточнением, что «сущая же вдовица по Апостолу 60 лет» [1; 270]. В карельских приходах в конце 1670-х гг. установленная норма соблюдалась. Об этом позволяет судить хотя бы то, что напротив имен 10 (46 %) из 22 проскурниц, упомянутых писцом Иваном Аничковым, стоят пометы: «вдова» (6)[iv] или «старица»[v] (4). Все проскурницы, упомянутые писцом Иваном Аничковым, за исключением одной — проживали во дворах или кельях без родственников-мужчин [3а; 54 об. — 55], [3б; 93 об., 149, 305, 316, 324 об., 330, 371 об., 385, 408].

Дворохозяевами-одиночками выглядят 19 церковнослужителей, из которых 12 являлись дьячками, а 7 — пономарями. Как подчеркнула И. А. Чернякова, исключительная фиксация лиц мужского пола

практически не позволяет определить их семейный статус и решить вопрос о том, являлись ли они людьми действительно одинокими или кто-то мог состоять в браке, имея в потомстве лишь дочерей [24; 120]. К числу указанных лиц относим еще трех упоминавшихся уже церковнослужителей, не имевших родственников мужского пола и состоявших во дворах местных крестьян [3а; 141 об.], [3б; 269 об.], [4; 88].

Таким образом, из 199 клириков и причетников, которые являлись дворохозяевами (195) или проживали на подворьях крестьян и товарищей по службе (4), 46 человек в конце 1670-х гг. либо не имеют семей (24), либо их семейный статус остается не вполне ясным (22). Поэтому сведения о них исключены из анализа состава семей приходского духовенства.

Однопоколенные семьи не были многочисленными: 23 из 153 (15 %), (табл. 1). Большинство из них — 16 из 23 — являлись семьями прямого родства.

Таблица 1

Поколенный состав семей духовенства Олонецкого уезда
(по переписным книгам 1678 г. и актам приказного делопроизводства)

Тип родства	Одно поколение		Два поколения		Три поколения		Всего	
	кол-во семей	%	кол-во семей	%	кол-во семей	%	кол-во семей	%
Прямое	16	70	73	68	15	65	104	68
Боковое	7	30	34	32	8	35	49	32
Итого	23	100	107	100	23	100	153	100

Сост. по: [3а; 24, 26—26 об., 35 об., 54—54 об., 46 об., 48 об., 114, 118 об., 140, 141 об., 144 об., 152 об., 156], [3б; 2 об., 5, 6 об., 19, 25, 29 об., 32, 34, 41—42, 48, 50 об., 52 об., 70, 74 об., 77 об., 80, 88, 93 об., 96 об., 101, 112, 118, 130 об., 133 об., 138, 149, 151 об., 162, 167 об., 174, 177, 189, 192, 194, 225, 233 об. — 234, 237, 242 об., 254, 267, 269, 275, 280, 291—291 об., 295, 305—306 об., 315 об., 322, 324 об., 330, 345, 352 об., 362, 367, 371 об., 375 об., 382, 385, 390, 396—397, 400 об., 402, 408], [4; 1, 9—9 об., 21, 30 об., 42 об., 49 об., 60 об., 72, 86—86 об., 88, 89 об. — 90, 96], [6; 47 об., 48—50, 60 об., 66 об.], [7; 1—2], [8; 48], [9; 6], [10; 1—5], [11; 1 об.], [12; 7], [13; 54].

Об их составе можно судить лишь предположительно. Так, 14 священников, служивших в приходах Андомского, Веницкого, Остречинского, Вытегорского, Челмужского, Толвуйского, Пудожского, Оштинского и Семчезерского погостов, могли иметь дочерей, имена которых в источнике не упоминаются (Приложение, I, п. 1). Такое же замечание можно сделать в отношении дьякона Выгозерского погоста Ильи Иванова [3б; 295] и церковного дьячка Пудожского погоста Матфея Титова, который, как указал писец Иван Аничков, «был священник, а ныне у владыки под запрещением» [3б; 254].

При этом на подворьях двух из 14 иереев числились «захребетники». В частности, священник Степан Панкратьев из Толвуи принял в дом 6-летнего Бориску Антонова [3б; 305]. У священника Ивана Филиппова из Немжинской выставки Веницкого погоста проживал «корелской выходец» Андрюшка Агеев с племянником Фомкой Кондратьевым [3б; 6 об., 305]. Разделяя кров с людьми, попавшими в трудное положение, — малолетними сиротами и беженцами — клирики не только помогали им, но и показывали прихожанам пример милосердия и сострадания чужому горю.

Редкими были однопоколенные семьи бокового родства: 7 из 23 (30 %). Они преимущественно включали двух-трех братьев, один из которых имел чин священно- или церковнослужителя [3б; 32, 34, 80, 88, 118 об., 242 об.], (Приложение, I, п. 2—3). В Ундозерской выставке Мегорского погоста писец Иван Аничков отметил во дворе иерея Гаврилы Сидорова его 10-летнего шурина — Якушку Михайлова [3б; 138].

Двухпоколенные семьи. Из 153 выявленных нами семей 107 (70 %) являлись двухпоколенными (табл. 1). Среди них преобладали семьи прямого родства: 73 из 107 (68 %). Как правило, они состояли из супругов с одним, двумя или тремя сыновьями: 67 из 73 (92 %).

При этом в 31 случае супруги растили мальчиков в возрасте до 14 лет: семей с одним сыном было 17 (55 %), с двумя — 12 (39 %), с тремя — 2 (6 %), (Приложение, II, п. 1). Еще в 17 семьях на воспитании супругов также находились малолетние дети; в то же время вместе с родителями во дворах числились их взрослые сыновья, возраста которых писец Иван Аничков не отметил (Приложение, II, п. 2).

В 19 случаях во дворах клириков состояли только их взрослые сыновья (Приложение, II, п. 3). При этом некоторые сыновья уже имели жен. Это подтверждается указаниями на занятие ими священнослужительских должностей. Так, во дворе водлозерского клирика Павла Проклова числились три его взрослых сына — иерей Григорий, церковный дьячок Ивашко и пономарь Ларка [3б; 237].

Согласно церковной православной традиции перед посвящением в духовный сан дьякона или священника кандидаты, желавшие вступить в брак, должны были быть обвенчаны [26; 263]. Следовательно, старший сын Павла Проклова — священник Григорий — был женат, хотя еще не имел детей или воспитывал дочерей. Позднее у Григория Павлова появился и сын — Иван, который после смерти отца в 1706 г. «сшел в Великий Новгород к посвящению в попы» [5; 589]. Любопытно отметить, что в сказках, поданных в 1720 г., Иван Григорьев определил свой возраст в 47 лет [6; 67 об.]. Если доверять этим сведениям, то выходит, что в 1678 г. в семье водлозерского священника Павла Проклова уже подрастал 4-летний внук, который по каким-то причинам не был учтен писцом Иваном Аничковым.

Двухпоколенные семьи прямого родства не всегда отличались полнотой (Приложение, II, п. 4—5). Так, вдовые священники Георгий Евстафьев из выставки Верховского конца Андомского погоста, Сидор Аврамьев из Ундозерской выставки Мегорского погоста и Елисей Тимофеев из Озерской выставки Веницкого погоста проживали со своими сыновьями, в том числе малолетними [3б; 192, 138]. Кроме того, в выставке Юштозеро Семчезерского погоста во дворе вдового священника Максима Герасимова сына Печкина числились его внуки — 8-летний Степашка и 4-летний Прошка Никитины [4; 86—86 об.].

Дети клириков и причетников нередко оказывались на попечении своих овдовевших матерей. В частности, проскурница Фоймогубской выставки Шунгского погоста Настасьица Иванова растила Мину и Малафейку детей Терентьевых [3б; 324 об.]. Поднимала 5-летнего Филку, 3-летнего Петрушку и годовалого Ивашку Федоровых попадья Кондушской выставки Мегорского погоста — вдова умершего священника Федора. Писец Иван Аничков отметил во дворе только ее сыновей, уточнив, что приходясь племянниками священнику Кириллу Иванову, они «живут о себе» [3б; 112].

Из 107 двухпоколенных семей 34 являлись семьями бокового родства (32 %). Большинство — 14 из 34 (41 %) — включали женатого брата, числившегося в одном дворе с одним (10 случаев), двумя (2) или четырьмя (2) младшими братьями, и растившего сыновей — младше или старше 14 лет. Преимущественно у женатого брата был один сын (10); только у двух писец Иван Аничков отметил по два и еще у двух — по четыре сына (Приложение, II, п. 6).

Еще в шести двухпоколенных семейных коллективах бокового родства два или три женатых брата вели совместное хозяйство. Каждый имел по одному, два или три малолетних и/или взрослых сына (18 %), (Приложение, II, п. 7).

Состав остальных 14 семей был более сложным (41 %). Так, в 6 случаях писцом Иваном Аничковым во дворах были отмечены по два или три брата, из которых один или два были женаты и имели детей (Приложение, II, п. 8—11). При этом с братьями и их сыновьями мог числиться во дворе взрослый племянник (Приложение, II, п. 12—13). В частности, во дворе пудожского церковного дьячка Митки Иванова состояли также его 5-летний сын Ивашка, младший брат-пономарь Матюшка Иванов и 10-летний племянник Федка Петров [3б; 254]. На подворье священника Чеболакшской выставки Кижского погоста Дорофея Панкратьева значились его сыновья — пономарь Оска, дьячок Федка с малолетним сыном Ивашкой и племянник Левка Иванов [3б; 362].

В четырех случаях с супругами и их сыновьями проживали один, два или три племянника (Приложение, II, п. 14). Такие усеченные семьи встречались достаточно редко, однако являлись одними из самых многолюдных, включая до восьми представителей мужского пола. Например, во дворе пономаря Вытегорского погоста Ивашки Фомина числилось пять сыновей: два взрослых — Иевка и Мишка, три малолетних —12-летний Дмитрейка, 6-летний Савка и 4-летний Ивашка. Пономарь присматривал и за двумя малолетними племянниками — 12-летним Тимошкой и 6-летним Родкой Ивановыми [3б; 149].

Кроме того, церковный дьячок Данилка Викулов из Шуньги и священник Маркел Иванов из выставки Великая Губа Кижского погоста проживали каждый в своем дворе вместе с престарелым отцом и младшими братьями (Приложение, II, п. 15). При этом у священника на подворье состояли отец-дьячок Иван Архипов и брат-пономарь Ильюшка Иванов [3б; 367]. Занятие братом и отцом церковных должностей, безусловно, свидетельствует о постепенном утверждении за отдельными семьями клириков и причетников в конце 1670-х гг. всех мест в причтах выставочных церквей.

В двух случаях семьи сельского причта приняли во двор зятя — мужа сестры или дочери (Приложение, II, п. 16). В частности, во дворе пономаря Калистратки Семенова из Шуньги был отмечен зять Анашка Тимофеев родом из Шальского погоста; у священника Бориса Иванова из выставки Кондопога Шуйского погоста — зять Варфоломейко. При этом и пономарь, и священник имели также по три сына [3а; 54 об.], [3б; 408].

Трехпоколенных семей было столько же, сколько и однопоколенных: 23 из 153 (15 %). Значительно более половины представляли собой семейные коллективы прямого родства: 15 из 23

(65 %); 8 семей состояли из супругов с одним или двумя женатыми сыновьями и малолетними внуками, а также с одним, двумя или тремя младшими сыновьями — взрослыми и малолетними [3а; 54], [3б; 50 об., 280, 371 об., 375 об., 390], [4; 21, 49 об., 60 об.], (Приложение, III, п. 2).

К числу указанных можно отнести и семью овдовевшего священника Дмитрия Никитина (Приложение, III, п. 3). Писец Иван Аничков отметил на его подворье трех сыновей, из которых двое — Иаков и Левка, занимая должности иерея и церковного дьячка в погостских церквах, имели детей: первый — 7-летнего Ивашку и годовалого Ваську, второй — 3-летнего Трифонку. Их третий брат Гаврилка был еще 9-летним подростком и также проживал с отцом [3б; 50 об.]. Уверенно полагаем, что престарелый иерей-вдовец, упомянутый писцом Иваном Аничковым первым в списке жильцов, хотя и уступил священническое место старшему сыну, тем не менее остался хозяином двора, стоявшего не на церковной, а на тяглой земле в деревне Кузнецовской.

Состав еще шести семей был схожим, однако они включали не столь широкий круг родственников. Супруги числились в одном дворе с одним или двумя женатыми сыновьями и малолетними внуками от каждого (Приложение, III, п. 1).

Такие трехпоколенные семьи прямого родства включали до 10 представителей мужского пола. При этом самые многолюдные семейные коллективы были отмечены писцом Иваном Аничковым в отдаленных северных и восточных приходах Олонецкого уезда: в выставке Корбозеро в Пудожском погосте и в трех Лопских погостах — Шуезерском, Панозерском и Паданском [3б; 280], [4; 21, 49 об., 60 об.]. Одной из самых больших была семья священника Паданского погоста Ивана Фомина. Клирик с супругой вели хозяйство вместе со старшим сыном Лучкой, который воспитывал четырех малолетних сыновей — Савку, Фетку, Исачку и Павелку. На подворье числились второй и третий взрослые сыновья священника — Ивашко и Титко; подрастали их четвертый и пятый младшие сыновья — 13-летний Якушко и 11-летний Васка [4; 21]. В соседнем, расположенном к северу, Шуезерском погосте церковный дьячок Елизарка Карпов проживал во дворе с шестью сыновьями. Из них старший — Пашка Елизарьев — был женат и растил 3-годовалого Калинку, два других — Ивашка Большой и Лаврушка — могли быть женаты, но пока не имели детей, еще трое — 14-летний Андрюшка, 13-летний Мишка и 3-годовалый Ивашка Меньшой — находились под присмотром родителей [4; 49 об.].

Трехпоколенные семьи бокового родства уступали в количестве семьям прямого родства: 8 из 23 (35 %). Их состав сильно варьировался. У церковных дьячков Ивашки Семенова из Кижского погоста и Петрушки Антонова из Космозерской выставки того же погоста подрастали малолетние сыновья. Во дворе у каждого доживал свой век престарелый дядя [3б; 330, 375 об.], (Приложение, III, п. 4). Примечательно, что дядя одного из дьячков —«захребетник» Ипполитка Иванов по прозвищу Богдашка — в 1640-х гг. сам служил в погостских храмах дьячком. Уверенно полагаем, что именно его должность и двор, стоявший на церковной земле, унаследовали родственники, на иждивении у которых он теперь находился [2; 124 об.].

Дяди значились и во дворах еще двух семейных коллективов, каждый из которых включал двух или трех братьев — женатого с двумя сыновьями, взрослого, возраст которого писец Иван Аничков не указал, и третьего — малолетнего [3б; 138, 267], (Приложение, III, п. 5).

В двух случаях наблюдаем смену поколений в наследовании церковных должностей внутри одной семьи — по прямой и боковой линиям (Приложение, III, п. 6—7). В частности, священник Трифон Никифоров из выставки Кузаранда Толвуйского погоста, воспитывая двух малолетних сыновей Офонку и Ваську, вел совместное хозяйство с отцом, овдовевшим иереем Никифором Офонасьевым, и младшими братьями — Алешкой и Оской [3б; 306 об.].

В соседнем приходе Кижского погоста священник Семен Никитин получил должность в причте после того как овдовел его старший брат — иерей Василий Никитин. Он же стал и хозяином церковного двора, в котором проживал ранее его отец — бывший священник Никита Андреев [21; 34]. Писец отметил в этом же дворе сыновей Семена Никитина — женатого Костку с внуком Ивашкой и 4-годовалого Петрушку [3б; 330]. Отсутствие упоминаний в имеющихся в нашем распоряжении источниках о сыновьях Василия Никитина позволяет предположить, что передача церковной должности от брата к брату была связана с отсутствием у овдовевшего клирика наследников, знавших грамоту и желавших продолжить дело предков.

Во дворах еще двух священников, проживавших с сыновьями и внуками, числились их двоюродные братья и племянники (Приложение, III, п. 8—9). В частности, иерей Выгозерского погоста Иван Гаврилов не только воспитывал малолетнего внука Федку Гаврилова; на его подворье писец Иван Аничков отметил двоюродного брата — пономаря Лазарку Федорова и 10-летнего брата Лазарки — Костку, а также племянника Ивашку Филиппова, служившего при приходской церкви дьячком [3б; 295].

В Шуйском погосте священник Иван Сергеев состоял в одном дворе с двумя женатыми сыновьями Матюшкой и Ивашкой и внуками от каждого из них. Тут же на подворье состоял и взрослый племянник клирика — Алешка Степанов [3б; 400 об.].

5. Семьи духовенства и крестьянства: сравнительный аспект. Для оценки выявленных нами сведений представляется значимым сравнить состав семей сельского духовенства с составом семей местных крестьян и священно-церковнослужителей соседних епархий.

Обращение к исследованию И. А. Черняковой, тщательно изучившей данные переписной книги 1678 г. и установившей состав дворов и семей крестьян Заонежских погостов, позволяет сделать вывод о том, что в конце 1670-х гг. и у клириков, и у крестьян преобладали семьи прямого родства. Однако доля таких семей у духовенства была чуть меньше (104 из 153 (68 %)), чем у крестьян (565 из 784 (72 %)) [24; 118].

И. А. Чернякова приводит ценный вывод Е. Н. Баклановой, связывающей преобладание в конце 1670-х гг. семей такого типа в соседнем Вологодском уезде (71 %) с определенным этапом в развитии семейной организации, когда отмирали в пределах одной семьи широко разветвленные линии бокового родства [24; 119]. Такой же вывод можно сделать и в отношении семей карельского духовенства.

Вполне значимой И. А. Чернякова считает для конца 1670-х гг. долю семей бокового родства у крестьян: 28—29 % (218 из 784). Сравнивая полученные сведения с данными 1628 г., автор уверенно констатирует явное увеличение процента дворов, в которых, помимо хозяина, упоминаются его братья или братья с их сыновьями: «в Шунгском погосте с 10.5 до 19.8, в Шуйском — с 10.4 до 21.8» [24; 119]. Исследовательница приводит данные Е. Н. Баклановой, свидетельствующие об увеличении количества семей бокового родства в соседнем Вологодском уезде в чуть более поздний период — с 29 % в конце 1670-х до 43 % в начале 1700-х гг. Выявленные на материалах Заонежских погостов данные в сопоставлении со сведениями историографии позволили И. А. Черняковой сделать вывод «о процессе укрупнения дворов», обусловленном рядом причин, и в первую очередь сложной экономической ситуацией, которая вынуждала родственников вести совместное хозяйство [24; 105—106, 119—120].

Доля семей бокового родства у сельского духовенства, согласно нашим подсчетам, была чуть выше, чем у крестьян: 32 %. Это означает, что каждый второй-третий дворохозяин, состоявший в церковном причте, делил подворье с племянниками, братьями — малолетними и взрослыми, в том числе женатыми и имевшими детей, зятьями, шуринами или престарелыми дядями. Сельские клирики оказывались в одинаковом с крестьянами положении. Многие из них были вынуждены вести совместное хозяйство, особенно те из них, кто служил в северных малолюдных приходах, в которых не приходилось рассчитывать на ругу и оставалось полагаться лишь на собственный труд. Сплоченные семейные коллективы, включавшие два-три поколения по прямой и боковой линиям, обеспечивали себя всем необходимым, создавая тем самым и условия для служения клириков-дворохозяев в сельском храме.

Напротив, отсутствие поддержки со стороны родственников — членов семейного коллектива — приводило к тому, что священники в поисках новых мест переезжали из одного прихода в другой. Так, например, иерей Максим Герасимов сын Печкин, будучи сыном семчезерского священника Герасима Степанова, перебрался на службу в Селецкий погост во вновь образованную выставку в Гимолах, где служил до конца 1650-х гг. Затем он покинул выставку, чтобы быть поближе к брату, земскому дьячку Юштозерской волости Семчезерского погоста Дружинке Герасимову. В Юштозере он вскоре занял освободившуюся должность священника [21; 50]. С тех пор в Гимолах долгое время не было клирика. Об одном из них встречаем упоминание в грамоте митрополита Новгородского в 1673 г., однако уже в конце 1670-х гг. в церкви, согласно указанию писца Ивана Аничкова, богослужения вновь не проводились [21; 121].

Довольно значимое количество семей бокового родства у крестьян в конце 1670-х гг. И. А. Чернякова объясняет также «последствиями службы… в пашенных солдатах, учрежденной в 1649 г. и отмененной в 1666 г.» [24; 120]. По мнению автора, «относительно большой процент семей, состоявших из неженатых братьев… не столько является показателем сокращения семейных разделов, сколько указывает на значительное количество осиротевших семей» [24; 120]. По подсчетам И. А. Черняковой, основанным на анализе переписных книг солдатского высыльщика Ивана Дивова 1657 г., «1230 семей не досчитались кормильцев», что составило, «исходя из общей суммы дворов по переписи 1646 г.», «приблизительно 11 % семей, главы которых были убиты или умерли в походах» [24; 121].

К службе в пашенных солдатах государство активно привлекало не только крестьян, но и детей духовенства. Уверенно устанавливаются имена 57 сыновей клириков и причетников, а также церковнослужителей, поставленных на учет, или несших военную службу в конце 1640-х — начале

1660-х гг. [21; 61]. В конце 1670-х гг. как минимум у 5 клириков из 153 священно-церковнослужителей братья некогда были записаны в государевы полки. В частности, у вдового священника Тарасия Григорьева из выставки Гонгиничи в солдатах числился брат Фролко Григорьев Попов; у священника Георгия Тихонова из выставки Щелейки — брат Павелко Тихонов; у священника Федора Якимова из Шуньги — брат Михалка Якимов Попов; у священника Василия Никитина из выставки Нигижма Пудожского погоста — брат Ивашка Микитин; у священника Афтамона Иванова из выставки Ладва — брат Роман Иванов [21; 61, 69].

Полагаем, что последствия «государевой службы» не были окончательно преодолены не только в семьях крестьян, но и духовенства. Об этом в какой-то степени позволяют судить упоминания писца Ивана Аничкова об усеченных братских семьях клириков и причетников (Приложение, II, п. 12—14; III, п. 8) и семьях, состоявших из супругов с племянниками (Приложение, III, п. 9).

Относительно большой процент семей бокового родства у духовенства был обусловлен и особенностями развития практики наследования церковных должностей. Возведенная в норму в 1551 г. благочестивая традиция о запрете вдовым клирикам совершать богослужения, хотя и была отменена в 1667 г., но продолжала бытовать в приходах Карелии [20; 46, 57]. После смерти супруги сельский священник передавал свою должность и церковный двор ближайшему взрослому родственнику, обученному грамоте и с согласия мирян рукоположенному владыкой в духовный сан. Вдовые братья и отцы не уходили в монастырь, как это было прописано в Стоглаве 1551 г., но оставались на иждивении родственников в тех же церковных дворах, которые могли воспринимать как собственность не столько прихода, сколько своей семьи или рода.

Схожесть состава семей духовенства и крестьянства, установленная нами, свидетельствует о сохранявшейся общности их судеб в рассматриваемую эпоху, несмотря на постепенно все больше углублявшееся обособление этих социальных групп.

6. Состав семей сельского духовенства в Олонецком и северо-восточных уездах. Проанализировав сведения записной книги Вологодского архиепископа Симона 1676/77 г., М. С. Черкасова выявила, что более половины служивших в Белозерском уезде, Чарондской округе и южных приходах Каргопольского уезда семей клириков и причетников — 119 из 210 (57 %) — являлись семьями прямого родства, состоявшими из супругов и их сыновей [23; 249]. В Олонецком уезде доля семей приходского духовенства по прямой линии родства была выше, чем и в северо-восточном регионе (табл. 1): 68 % (104 из 153). При этом преобладала малая отцовская семья, состоявшая из родителей и их детей — малолетних и взрослых неженатых.

Семьи бокового родства в Вологодском и Каргопольском уездах, как установила М. С. Черкасова, включали супругов «без сыновей, но с братьями и племянниками» [23; 249]. Доля таких семей, согласно подсчетам автора, была довольно весомой — 43 %, т. е. значительно выше, чем в Карелии, — 32 %.

Уверенно полагаем, что особенности социально-экономического и демографического развития северо-восточного края во многом предопределили сложившуюся здесь ситуацию. Как указала М. С. Черкасова, в Вологодском уезде с конца XVII в. активно развивалось поместное землевладение, что приводило к уменьшению «дворности» приходов (до 60 дворов и менее) и захвату обрабатываемых причтами земель служилыми людьми. Сокращение участков и уменьшение количества прихожан при постепенном увеличении оклада церковной дани, собиравшейся ежегодно владыкой с духовенства, приводило к обеднению клириков и не могло не вынуждать их вести с родственниками совместное хозяйство [23; 241—242, 248]. Несмотря на некоторые локальные особенности, состав семей сельских священно-церковнослужителей — и в Карелии и на Вологодчине — в целом был схожим и свидетельствует об общности судеб приходского духовенства в северном крае.

7. Выводы: к вопросу о разрастании семей клириков и причетников в конце 1670-х гг. Состав семей клириков и причетников в Заонежских и Лопских погостов в конце 1670-х гг. позволяет утверждать, что в последней трети XVII в. происходила смена поколений священно-церковнослужителей внутри отдельных семей и фамилий. Вдовые отцы и братья уступали церковные должности и места своим родственникам, преимущественно числившимся в их дворах (табл. 2).

Таблица 2

Состав родственников на подворьях клириков и причетников (по переписным книгам Заонежских и Лопских погостов 1678 г.)

Степень родства	*Всего родственников*		*В том числе состоят в причте*	
	(чел.)	*%*	*(чел.)*	*%*
Сын	245	64	24	64

Брат	53	14	10	27
Племянник	33	9	1	3
Дядя	4	1	0	0
Отец	3	1	1	3
Внук	40	10	1	3
Зять, шурин	3	1	0	0
Итого	381	100	37	100

См. примечание к табл. 1.

Наличие в семьях сыновей, братьев, племянников, шуринов и зятевей позволяло клирикам активно ввводить родственников в причт на низшие должности дьячков и пономарей, утверждая за своими семьями право в будущем занять места священнослужителей.

Однако постепенное разрастание местных священнослужительских династий и складывание церковнослужительских фамилий не привело к стремительному разрастанию причтов. Напротив, некоторые выставочные приходы, такие как Рыборецкий и Гежесельгский в Оштинском, Куштозерский в Мегорском, Гимольский в Селецком погостах, оставались вовсе без причтов, а сельский храм — «без пения» [3а; 5], [3б; 70, 143] [4; 14 об.].

Более того, к концу 1670-х гг. самые многолюдные причты в Заонежских погостах не превышали семи-двенадцати человек (всего 6 из 99 (13%)), в Лопских погостах состав причтов не изменился на протяжении более 80 лет — они включали по три человека [20; 93, 120]. Кандидатов, желавших занять «вожделенное место при какой-нибудь церкви, все равно — богатой или бедной», как полагал П. В. Знаменский, в Карелии в последней трети XVII в. было не так уж много [15; 103]. Сложная социально-экономическая ситуация приводила к тому, что не все сыновья клириков были готовы продолжить дело предков. Однако сплоченность семей клириков, готовых поддержать одного или нескольких своих членов в стремлении продолжить дело предков, с одной стороны, и желание самих прихожан удержать батюшку, находя всевозможные способы обеспечения его ругой и землей, с другой стороны, способствовали сохранению непрерывности духовной жизни.

Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. и при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01225а2).

Список источников и литературы:

I. Источники

Опубликованные

1. 1551. — Стоглав : исследование и текст. Москва, 2000. 504 с.

Неопубликованные

Российский государственный архив древних актов

1. 1646. — Переписная книга Заонежских погостов Ивана Писемского, Лариона Сумина и подьячего Якова Еуфимьева // Ф. 1209 : Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 980. 577 л.
2. 1678. — Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // Там же. Кн. 1137. Ч. 1. 186 л. (а); Ч. 2. 427 л. (б)
3. 1678. — Переписная книга Лопских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // Там же. Кн. 8573. 110 л.
4. 1707. — Переписная книга частновладельческих, монастырских и дворцовых крестьян Оштинской половины Олонецкого уезда Михаила Ларионовича Мордвинова // Там же. Кн. 8578. Л. 110—612.
5. 1720—1722. — Книга Олонецкого уезда церковником и других чинов разночинцом, которые в оклад не положены // Ф. 350 : Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2374. 159 л.

Научный архив С.-Петербургского института истории РАН

1. 1675, июнь. — Дело о захвате жителями Озерской волости Ильинского Веницкого погоста Ларкой Ерофиевым и его сыном Мирошкой участка, проданного ими священнику той же волости Елисею Тимофееву // Ф. 98 : Олонецкая воеводская изба. Карт. 7. Д. 34. Сст. 1—3.
2. 1676/77. — Черновики приходо-расходных книг с росписью собранных в Олонецком уезде

«полоняничных», кабацких и ямских денег, денег за оброчные угодья с жителей посада, а также определенных в 1675/76 г. на «избные» и «кабацкие» расходы, выплату жалованья служащим приказной избы и царской руги клирикам Троицкого собора и в Палеостровский монастырь // Там же. Карт. 8. Д. 40. Сст. 1—51.
3. 1677, августа 26. — октября 30. — Дело о выборе старост Рождественского Мегорского погоста Олонецкого уезда на 1677/78 г. // Там же. Карт. 8. Д. 135. Сст. 1—10.
4. 1677, августа 26 — ноября 15. — Дело о выборе старост Ильинского Веницкого погоста Олонецкого уезда на 1677/78 г. // Там же. Карт. 8. Д. 134. Сст. 1—11.
5. 1677, сентябрь. — Мирская челобитная крестьян Никольского Оштинского погоста Филки Ксенофонтова и других (всего 64 имени) с просьбой утвердить на должности старосты крестьянина того же погоста Офонку Никитина сына Невежина и отказать в должности другим бывшим старостам // Там же. Карт. 9. Д. 1. Сст. 1—5.
6. 1678, июля 29 — августа 10. — Дело о расследовании причин недобора питейной прибыли на шунгском кабаке у головы кружечного двора Гришки Мартемьянова и таможенных пошлин в Повенецком рядке у головы таможенного сбора Матфея Соболева в 1675/76 г. // Там же. Карт. 9. Д. 10. Сст. 1—15.
7. 1679—1682. — Списки с отписей в венечных деньгах, собранных поповскими старостами различных погостов Обонежской пятины // Ф. 171 : Коллекция актов Новгородского Софийского дома. Д. 263. Сст. 52—64.

II. Научная литература

1. Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. : церковно-исторический очерк. Санкт-Петербург, 1908. 683 с.
2. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Санкт-Петербург, 2003. С. 1—178 (переизд. с изд. 1867 г.).
3. Любимов Г. М. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII—XVIII вв. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1852. 185 с.
4. Матисон А. В. Православное духовенство русского города XVIII века : генеалогия священно-церковнослужителей Твери. Москва, 2009. 268 с.
5. Старостина Т. В. Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.) // Вопросы истории : сборник статей. Вып. 1. Петрозаводск, 1961. С. 128—145.
6. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. / отв. ред. Б. Н. Флоря. Москва, 2002. 352 с.
7. Суслова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — XVIII века / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 2013. 244 с.
8. Суслова Е. Д. Служители Церкви в Карелии раннего нового времени : складывание династий / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 2013. 162 с.
9. Суслова Е. Д. К вопросу о формировании сословия духовенства в Карелии в раннее Новое время (по материалам Шуйского погоста) // Православие в Карелии : материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16—17 октября 2007 г., Петрозаводск). Петрозаводск, 2008. С. 316—322.
10. Черкасова М. С. Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII веке // Северо-Запад в аграрной истории России : сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 234—251.
11. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох : очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. 295 с.
12. Чернякова И. А. Успенская церковь в Кондопоге: день нынешний и век минувший : (к истории церковного прихода) // Краевед — 10 лет : сборник статей. Петрозаводск, 1999. С. 36—50.
13. Цыпин В. А. Церковное право. Москва, 1994. 440 с. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/22c/cipin/eccllaw/eccllaw.pdf, свободный.

REFERENCES

ARCHIVAL AND PRINTED PRIMARY SOURCES

Published sources:

1. Stoglav: Investigation and Text [Stoglav: issledovanie i tekst]. Moscow, 2000. 504 p.

Unpublished sources:

Russian State Archive of Ancient Acts [Rossiyskiy Gosudarstvennyiy Arkhiv Drevnih Aktov]:

1. 1646. — The Census book of Zaonezh'e pogosts compiled by Ivan Pisemskiy, Larion Sumin and the scribe Yakov Eufim'ev [Perepisnaya kniga Zaonezhskih pogostov Ivana Pisemskogo, Lariona Sumina i pod'yachego Yakova Eufim'eva] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyi Prikaz]. Opis' 1. Kniga 980. 577 sheets.
2. 1678. — The Census book of Zaonezh'e pogosts compiled by Ivan Aleksandrovich Anichkov, Ivan Nikiforovich Anichkov and the scribe Ivan Venyakov [Perepisnaya kniga Zaonezhskikh pogostov Olonetskogo uezda Ivana Aleksandrovicha Anichkova, Ivana Nikiforovicha Anichkova i pod'yachego Ivana Venyakova] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyiy Prikaz]. Opis' 1. Kniga 1137. Part 1. 186 sheets (a); Part 2. 426 sheets (b).
3. 1678. — The Census book of Laps pogosts compiled by Ivan Aleksandrovich Anichkov, Ivan Nikiforovich Anichkov and the scribe Ivan Venyakov [Perepisnaya kniga Lopskikh pogostov Olonetskogo uezda Ivana Aleksandrovicha Anichkova, Ivana Nikiforovicha Anichkova i pod'yachego Ivana Venyakova] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyiy Prikaz]. Opis' 1. Kniga 8573. 110 sheets.
4. 1707. — The Census book of landowners, monasteries and court's peasants of the Oshta half of the Olonets uezd compiled by Mikhail Larionovich Mordvinov [Perepisnaya kniga chastnovladel'cheskikh, monastyrskikh i dvortsovykh krest'yan Oshtinskoy poloviny Olonetskogo uezda Mikhaila Larionovicha Mordvinova] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyiy Prikaz]. Opis' 1. Kniga 8578. 110—612 sheets.
5. 1720—1722. — The book of the clergy and the commoners of the Olonets uezd who are not defined as taxpayers [Kniga Olonetskogo uezda tserkovnikom i drugikh chinov raznochintsom, kotorye v oklad ne polozheny] // Fund 350: Collection of books of provincial courts of justice and books of revisions [Landratskie knigi i revizskie skazki]. Opis' 2. Delo 2374. 159 sheets.

The Scientific Archive of the Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Nauchnyi arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii rossiyskoy akademii nauk)

1. 1675, June. — Suit on expropriation of the priest Elisey Timofeev's parcel of land by Larka Erofiev and his son Miroshka, peasants of Ozera volost' in Venitsa pogost [Delo o zahvate zhitelyami Ozerskoy volosti Il'inskogo Venitskogo pogosta Larkoy Erofievym i ego synom Miroshkoy uchastka, prodannogo imi svyashchenniku toy zhe volosti Eliseyu Timofeevu] // Fund 98: Chancellery of Olonets Military Commanders. Carton 7. Delo 34. L. 1—3.
2. 1676/77. — Drafts of books on receipts and expenditures with records on taxes paid by town dwellers and payments for subsistence of olonets military chancellery, state taverns, clergy of the olonets Trinity church and the monastery of Paleostrov [Chernoviki prikhodo-rashodnykh knig s rospis'u sobrannykh v Olonetskom uezde «polonyanichnykh», kabatskikh i yamskikh deneg, deneg za obrochnyie ugodya s zhiteley posada, a takzhe opredelennykh v 1675/76 g. na «izbnyie» i «kabatskie» raskhody, v yplatu zhalovan'ya sluzhaschim prikaznoy izby i tsarskoy rugi klirikam Troitskogo sobora i v Paleostrovskiy monastyr'] // Fund 98. Carton 8. Delo 40. L. 1—51.
3. 1677, August 26. — Documentation on the elders' election at Megra pogost of Olonets uezd in 1677/78 y. [Delo o vybore starost Rozhdestvenskogo Megorskogo pogosta Olonetskogo uezda na 1677/78 g.] // Fund 98. Carton 8. Delo 135. L. 1—10.
4. 1677, August 26 — November 15. — Documentation on the elders' election at Venitsa pogost of Olonets uezd in 1677/78 y. [Delo o vybore starost Il'inskogo Venitskogo pogosta Olonetskogo uezda na 1677/78 g.] // Fund 98. Carton 8. Delo 134. L. 1—11.
5. 1677, September. — Petition of Filka Ksenofontov and others peasants of Oshta pogost (64 persons) to confirm Ofonka Nikitin Nevezhin on the position of the elder of the same pogost [Mirskaya chelobitnaya krest'yan Nikol'skogo Oshtinskogo pogosta Filki Ksenofontova i drugih (vsego 64 imeni) s pros'boy utverdit' na dolzhnosti starosty krest'yanina togo zhe pogosta Ofonku Nikitina syna Nevezhina i otkazat v dolzhnosti drugim byvshim starostam] // Fund 98. Carton 9. Delo 1. L. 1—5.
6. 1678, July 29 — August 10. — Documents on the revision of a small amount of money had been collected in the tavern of Shun'ga pogost by the tavern keeper Grishka Martem'yanov and in the customhouse of Povenets by the customs officer Matfey Sobolev in 1675/76 y. [Delo o rassledovanii prichin nedobora piteynoy pribyli na shungskom kabake u golovy kruzhechnogo dvora Grishki Martem'yanova i tamozhennykh poshlin v Povenetskom ryadke u golovy tamozhennogo sbora Matfeya Soboleva v 1675/76 g.] // Fund 98. Carton 9. Delo 10. L. 1—15.
7. 1679—1682. — Lists of records on parishioners for church weddings payment to clergy elders of the pyatina of Obonezhie [Spiski s otpisey v venechnykh dengakh, sobrannykh popovskimi starostami razlichnykh pogostov Obonezhskoy pyatiny] // Fund 171. Collection of documents from the cancellery of the novgorodian metropolitan. Delo 263. L. 52—64.

SECONDARY SOURCES

1. Veruzhskiy V. M. Afanasiy, the archbishop of Holmogory. His life and activity in connection with the history of Holmogory eparchy during the first twenty years from its foundation and Russian Orthodox

Church at the end of the 17th century [Afanasiy, arkhiepiskop Holmogorskiy. Ego zhizn' i trudy v svyazi s istoriey Kholmogorskoy eparkhii za pervye 20 let ee sushchestvovaniya i voobshche Russkoy Tserkvi v kontse XVII v. : tserkovno-istoricheskiy ocherk]. Sankt-Peterburg, 1908. 683 p.
2. Znamenskiy P. V. Parish Clergy in Rus' [Prikhodskoe dukhovenstvo na Rusi]. Sankt-Peterburg, 2003. S. 1—178 (re-edition from the edition of 1867 y.).
3. Lubimov G. M. Historical survey of the ways of clergy material supporting from the Apostol times to the 17—18 centuries [Istoricheskoe obozrenie sposobov soderzhaniya Khristianskogo dukhovenstva ot vremen apostol'skikh do XVII—XVIII vv.] Ed. 2d. Sankt-Peterburg, 1852. 185 s.
4. Matison A. V. The Orthodox clergy of the Russian town in the 18th century: genealogy of churchmen and sacristans of Tver' [Pravoslavnoe dukhovenstvo russkogo goroda XVIII veka : genealogiya svyashchenno-tserkovnosluzhiteley Tveri]. Moskva, 2009. 268 s.
5. Starostina T. V. The unrest of peasants at Tolvuya pogost in the 17th century [Volneniya krest'yan Tolvuyskogo pogosta v XVII v. (do kontsa 60-h gg.)] // Voprosy istorii : sbornik statey [Issues on history : collection of articles]. Vyp. 1. Petrozavodsk, 1961. S. 128—145.
6. Stefanovich P. S. Parish and parish clergy in Russia in the 16—17th century [Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI—XVII vv.] / Executive ed. B. N. Florya. Moskva, 2002. 352 s.
7. Suslova E. D. The parish church formation in Karelia from the end of 15th to the beginning of 18th century [Tserkovno-prikhodskaya sistema v Karelii kontsa XV — XVIII veka] / Science ed. I. A. Chernyakova. Petrozavodsk, 2013. 244 s.
8. Suslova E. D. Priesthood and sacristans in Karelia in Early Modern Time : dynasties' formation [Sluzhiteli Tserkvi v Karelii rannego novogo vremeni : skladyvanie dinastiy] / Science ed. I. A. Chernyakova. Petrozavodsk, 2013. 162 s.
9. Suslova E. D. Towards the question of clergy estate formation in Karelia in Early Modern Time (according to the documents from Shuya pogost) [K voprosu o formirovanii sosloviya dukhovenstva v Karelii v rannee novoe vremya (po materialam Shuyskogo pogosta)] // The Orthodoxy in Karelia : proceedings of the third regional scientific conference dedicated to the 750-years anniversary of baptizing of the Karelians [Pravoslavie v Karelii : materialy III regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 780-letiyu krescheniya karelov (16—17 oktyabrya 2007 g., Petrozavodsk)]. Petrozavodsk, 2008. S. 316—322.
10. Cherkasova M. S. Economical and demographic characteristics of rural parishes in Vologda-Belozero eparchy in the 17th century [Ekonomicheskaya i demograficheskaya kharakteristika sel'skikh prihodov Vologodsko-Belozerskoy eparkhii v XVII veke] // [Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii : sbornik nauchnykh trudov]. Kaliningrad, 2008. S. 234—251.
11. Chernyakova I. A. Karelia on the edge of epochs: outlines on social and agrarian history of the 17th century [Kareliya na perelome epokh : ocherki sotsialnoy i agrarnoy istorii XVII veka]. Petrozavodsk, 1998. 295 s.
12. Chernyakova I. A. The Church of Our Lady Assumption in Kondopoga: a present day and a past century : (towards the history of the parish) [Uspenskaya tserkov v Kondopoge: den' nyneshniy i vek minuvshiy : (k istorii tserkovnogo prihoda)] // Kraeved — 10 let : sbornik statey [An Amateur of History — 10 years : collection of articles]. Petrozavodsk, 1999. S. 36—50.
13. Tsypin V. A. Tserkovnoe pravo [The Church Law]. Moskva, 1994. 440 s. [Electronic resource]. URL: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/22c/cipin/eccllaw/eccllaw.pdf.

Приложение. Состав семей священно-церковнослужителей Олонецкого уезда в конце 1670-х гг. (по переписной книге 1678 г. и актам приказного делопроизводства)

Состав семей	Кол-во	Всего	Итого
I. Одно поколение			23
1. Супруги (бездетные или с детьми женского пола)	16	16	
Боковое родство		7	
2. Женатый брат в чине священнослужителя (бездетный или с детьми женского пола) с братьями, в том числе:			
со взрослым неженатым братом	2		
с двумя братьями — малолетним и взрослым неженатым	1		
с двумя взрослыми неженатыми братьями	1		
3. Два взрослых брата неженатых или женатых, но без детей мужского	2		

пола			
4. Супруги с шурином	1		
II. Два поколения			107
Прямое родство		73	
1. Супруги с малолетними сыновьями, в том числе:	31		
с одним сыном	17		
с двумя сыновьями	12		
с тремя сыновьями	2		
2. Супруги с малолетними и взрослыми сыновьями, в том числе:	17		
с малолетним и взрослым неженатым	7		
с малолетним и взрослым женатым	1		
с малолетним и двумя взрослыми неженатыми	4		
с двумя малолетними и взрослым неженатым	1		
с двумя малолетними и двумя взрослыми неженатыми	2		
с четырьмя малолетними и взрослым неженатым	2		
3. Супруги со взрослыми неженатыми или женатыми, но без детей мужского пола, сыновьями, в том числе:	19		
с одним сыном	13		
с двумя сыновьями	5		
с тремя сыновьями	1		
4. Вдова или вдовец с сыновьями, в том числе:	5		
вдовец с малолетним сыном	1		
вдовец с тремя малолетними сыновьями и четвертым взрослым сыном	1		
вдовец со взрослым сыном	1		
вдова с двумя малолетними сыновьями	1		
вдова с тремя малолетними сыновьями	1		
5. Вдовец с двумя внуками	1		
Боковое родство		34	
6. Женатый брат с сыновьями и младшими братьями, в том числе:	14		
с малолетним сыном и младшим взрослым братом	7		
с двумя малолетними сыновьями и младшим взрослым братом	1		
с четырмя малолетними сыновьями и младшим взрослым братом	1		
с четырмя сыновьями — тремя малолетними и взрослым, и младшим взрослым братом	1		
с малолетним сыном и двумя младшими взрослыми братьями	1		
с двумя малолетними сыновьями и двумя младшими взрослыми	1		

братьями	
с малолетним сыном и четырмя братьями — двумя малолетними и двумя взрослыми	1
с малолетним сыном и четырмя взрослыми братьями	1
7. Женатые братья с сыновьями, в том числе:	6
Женатый брат с тремя малолетними сыновьями, женатый брат с малолетним сыном	
Женатый брат с тремя малолетними сыновьями, женатый брат с малолетним и взрослым сыновьями	
Женатые братья с тремя малолетними сыновьями у каждого	
Женатый брат с двумя малолетними и взрослым сыновьями, женатый брат с малолетним сыном	
Женатый брат с двумя взрослыми и малолетним сыновьями, женатый брат со взрослым и малолетним сыновьями	
Женатые братья с малолетним сыном у каждого, третий женатый брат с двумя малолетними сыновьями	
8. Два женатых брата с сыновьями и третьим младшим неженатым братом	1
9. Женатый брат с малолетним сыном и младшим неженатым братом	1
10. Женатый брат с сыновьями, вторым вдовым и третьим младшим братьями	1
11. Женатый брат бездетный или с детьми женского пола, два младших женатых брата с сыновьями	1
12. Женатые братья с сыном у каждого и взрослым племянником	1
13. Взрослый неженатый или женатый брат (бездетный или с детьми женского пола), младший женатый брат с малолетним сыном и с малолетним племянником	1
14. Супруги с племянниками или с племянниками и сыновьями, в том числе:	4
с малолетними племянником и сыном	
со взрослыми неженатыми племянником	

и сыном			
с двумя малолетними племянниками и пятью сыновьями — двумя взрослыми и тремя малолетними			
с тремя племянниками — взрослым неженатым и двумя малолетними			
15. Взрослые братья с отцом, в том числе:	2		
Женатый брат (бездетный или с детьми женского пола) с младшим неженатым братом и вдовым отцом			
Брат (неженатый или женатый с детьми женского пола) с двумя малолетними братьями и престарелым отцом			
16. Супруги с зятем и сыновьями, в том числе:	2		
с зятем и тремя малолетними сыновьями			
с зятем и тремя сыновьями — малолетним и взрослыми неженатыми			
III. Три поколения			23
Прямое родство		15	
1. Супруги с женатыми сыновьями и внуками, в том числе:	6		
с женатым сыном и малолетним внуком	3		
с женатым сыном и двумя малолетними внуками	1		
с двумя женатыми сыновьями и малолетним внуком от каждого	1		
с женатым сыном и малолетним внуком, со вторым женатым сыном и двумя малолетними внуками	1		
2. Супруги с женатыми сыновьями и внуками, а также младшими сыновьями, в том числе:	8		
супруги с женатыми сыновьями и внуками и младшими взрослыми сыновьями, в том числе:	3		
с женатым сыном и малолетним внуком, со вторым взрослым сыном			
с двумя женатыми сыновьями и малолетним внуком от каждого, с третьим и четвертым взрослыми сыновьями неженатыми или женатыми, но бездетными или с детьми женского пола			
с женатым сыном и тремя малолетними внуками, со вторым женатым сыном и малолетним внуком, с третьим взрослым сыном, неженатым или женатым,			

но бездетным или с детьми женского пола		
супруги с женатыми сыновьями и внуками, младшими взрослыми и малолетними сыновьями, в том числе:	5	
с женатым сыном и двумя малолетними внуками, со вторым женатым сыном и малолетним внуком, с третьим взрослым и четвертым малолетним сыновьями		
с женатым сыном и тремя малолетними внуками, вторым взрослым и третьим малолетним сыновьями		
с женатым сыном и малолетним внуком, вторым и третьим взрослыми сыновьями, четвертым, пятым и шестым малолетними сыновьями		
с двумя взрослыми сыновьями и двумя малолетними внуками от третьего сына		
с женатым сыном и четырмя малолетними внуками, вторым и третьим взрослыми сыновьями, четвертым и пятым малолетними сыновьями		
3. Вдовец с женатым сыном и двумя малолетними внуками, вторым женатым сыном и малолетним внуком, третьим малолетним сыном	1	
Боковое родство		8
4. Супруги с малолетними сыновьями и дядей, в том числе:	2	
с малолетним сыном и дядей		
с тремя малолетними сыновьями и дядей		
5. Женатый или неженатый брат с сыновьями, младшими братьями и дядей	2	
Женатый брат с двумя малолетними сыновьями, младшим взрослым братом и дядей		
Взрослый брат неженатый или женатый (бездетный или с детьми женского пола), с женатым братом и его двумя малолетними детьми, третьим малолетним братом и дядей		
6. Женатый брат с двумя малолетними сыновьями, младшим взрослым	1	

братом, третьим малолетним братом и вдовым отцом		
7. Женатый брат со взрослым сыном и малолетним внуком, младшим малолетним сыном и вдовым братом	1	
8. Женатый брат с малолетним внуком, взрослым племянником, двумя двоюродными братьями	1	
9. Супруги с женатым сыном и двумя малолетними внуками, вторым женатым сыном и малолетним внуком, взрослым племянником	1	
Итого		153

См. примечание к табл. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

[i] Выставки Рождественского Олонецкого погоста: Верхняя Мегрега, Коткозеро, Сямозеро; Ильинского Олонецкого погоста: Видлица, Горы, Салменицы, Туломозеро, Ведлозеро, Тулокса, Тукса, Гейтола.

[ii] Сохранились сведения о двух выставках: Шеменской (вотчина Хутынского монастыря) и Плотиченской (вотчина Росткина монастыря), об остальных — Согинской, Погаченской, Пидмозерской, Каковской, Шангоостровской, Пидемской, Святозерской, Лоянской — утрачены.

[iii] Сохранились сведения о трех выставках: Озерской, Немжинской и Гонгинской; об остальных двух — Каргинской и Чикозерской — утрачены.

[iv] Вдовы: Марьица Юрьева дочь (Толвуя), Овдотьица Кирилова дочь (Тубозеро), Оксеньица Кирилова дочь (Шуньга), Матренка Никулина дочь (Кижи), Лукерьица Онкудинова дочь (Яндомозеро), Настасьица (Кондопога).

[v] «Старицы»: Неонила (Шуньга), Каптелина (Мелой Губа), имя не указано (Вытегра), имя не указано (Пяжозеро).